

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛЯЯ

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ
СЕВЕРО-ЗАПАДА
СССР

*Традиции и культура
сельского населения
Этнография Петербурга*

ОТДЕЛЬНЫЙ ОТТИСК

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1977

О. Ю. Львовский

**ИСТОРИЯ СОБИРАНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ ФОЛЬКЛОРНЫХ
И ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ
НО ЮГО-ЗАПАДУ ВОЛОГОДЧИНЫ**

Цель настоящей историографической статьи — рассказать об этнографическом и фольклорном изучении юго-запада Вологодского края (это территория современного Грязовецкого р-на и небольшая часть территории Вологодского р-на Вологодской обл.).¹

Кажется, исследователей должен был привлекать этот пограничный край Русского Севера, это промежуточное звено между Поморьем и центром. Однако профессор Александр Александрович Веселовский, сын академика А. Н. Веселовского, много сделавший для изучения Русского Севера, Вологодчины, с горечью говорил о юго-западе края: «...его придется обследовать заново, ибо общих очерков (либо монографий отдельных местностей) о нем нет, а материалы о нем скудны, нестройны и случайны».² Исследователи издавна называют Вологодчину «фольклорным заповедником», «сокровищницей редкостной народной поэзии», однако работ обобщающего характера об этой сокровищнице почти нет. Ученых всегда влекли древности Вологды: великая госуда-

³⁸ Цит. по ст.: Рук и П. Указ. соч., с. 492.

³⁹ Студитский Ф. О сборниках народных песен и сказок. — Мирское слово, 1867, 1 мая.

¹ Данные этнолингвистики, диалектологии, истории заселения европейского Севера убеждают нас в правомерности выбора столь компактной территории. Так, А. В. Гура установил, что некоторые атрибуты свадебного обряда стойко хранились только и строго на компактной территории Грязовецкого и Вологодского уездов (см.: Гура А. В. Поэтическая терминология севернорусского свадебного обряда. — В кн.: Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор. Л., 1974).

² Веселовский А. А. Назревшие задачи Вологодского краеведения в области этнографии. — Север (Вологда), 1927, кн. 2 (6), с. 102.

рева крепость Кириллов, земли вологодского северо-востока, а вот южные ворота Русского Севера оставляли «на потом».

А. А. Веселовский считал, что первая этнографическая заметка по Грязовецкому уезду появилась только в 1857 г. в «Губернских ведомостях». Мнение это, приведенное в его рукописной «Истории Вологодской этнографии»,³ утвердилось, никто не пытался его хотя бы проверить. Наши разыскания дают возможность говорить о том, что изучение этого края началось намного раньше середины XIX в., хотя работ в ту пору безусловно было очень мало.

Грязовецкие земли впервые упоминаются в летописях в XVI в. К этому же времени (XVI—XVII вв.) относятся путешествия по Руси многих иностранцев. Пути Д. Флетчера, А. Дженкинсона, О. Брюнеля, И. Идеса и А. Бранда проходили и через юго-запад Вологодского края. Джилльс Флетчер побывал в нашем государстве в конце XVI в., после годов кризиса и упадка. Неудивительно поэтому, что в его описании есть такие страницы: «... встречается по крайней мере по пятидесяти деревень, иные в полмили, другия в целую милю длины, совершенно оставленные, так что в них нет ни одного жителя!».⁴ В XVII в. приходит известность к главной обители края — Павло-Обнорскому монастырю, который постепенно становится одним из центров древнерусской культуры с огромной библиотекой рукописных и старопечатных книг, книгописной школой. От XVII—XVIII вв. идет в крае старообрядческая литература — святые письма скитов имели здесь хождение вплоть до 1920-х годов, археографу они могут встретиться и сейчас. От эпохи Древней Руси сохранились предания, легенды о местных святых (наиболее почитаемы Корнилий Комельский и Павел Обнорский), топонимические, о памятных местах, кладках, монастырях, об Авнежских князьях.

Первые сведения в печатной литературе о Грязовце находим мы в известной книге о России и ее древностях. Ее автор, А. А. Засецкий, увидел своеобразие Грязовца в том, что здесь был хорошо развит красильный промысел — окрашивали холсты в синий цвет. В 1780 г. село Грязовец было переименовано в город и Екатерина II утвердила его герб: на серебряном фоне — бочонок — приспособление для крашения.⁵

Весьма интересна для нас также рукопись Иноходцева «Описание городов Вельска, Грязовца, Кадникова с уездами».⁶ Рукопись была подготовлена к юбилейным дням — в 1830 г. эти три города праздновали юбилей — полвека с того дня, как они стали уездными центрами. Этот бытописатель сообщает о заня-

³ ГАВО, ф. 4389, оп. 1, ед. хр. 335, л. 18 об.

⁴ О государстве русском. Сочинения Ф. Флетчера. СПб., 1905, с. 54.

⁵ См.: Засецкий А. А. Историческая и топографическая известия по древности о России; и частно о городе Вологда и его везде. В Москве, в университетской типографии у Н. Новикова, 1782.

⁶ ГПБ, Рукопис. отд., ф. П. Н. Савваптова, Q.IV.417.

тиях населения, о торговле горожан, о промыслах — вязке чулок и варег (как женщинами, так и мужчинами), медной чеканке, кузнечном ремесле. Благодаря последнему просечное железо составляло один из элементов декора жилища города. Жители Грязовца также содержали «постоялый двор и все нужное для проезжающих, как-то: деготь, овес, сено, колеса... некоторые же и сами под извоз нанимаются». Огородничество было развито слабо, хотя незанятых земель было много (почвы чаще всего неудобные), продукты питания покупали на ярмарках. О крестьянах Вологодского юго-запада Иноходцев пишет, что они «почти все без изъятия упражняются в земледелии», внеземледельческие промыслы развиты слабо, правда, занимаются сплавом леса, но это не является преимущественным занятием для какой-либо группы населения. Сходные сведения о крае помещает в своей книге о Вологодской губернии Н. Брусилов.⁷

Десяткoм лет позже И. Пушкарев в своем «Описании» напишет о своеобразии крестьянских построек уезда: «Несколько жилищные имеют две избы, соединенные между собой сенями, нередко еще и особую светелку, называемую горницей. Избы большей частью крупные, без труб и возвышаются на 3 или 4 аршина от земли. Две избы ставят рядом, между ними сени, все это покрывается общими стропилами. Под одну избою ворота для въезда в крытый двор, под другую гульбища или чулан, где хранятся запасы и домашняя утварь. Вероятно, жестокость морозов способствовала этому строительству».⁸

В 1847 г. через уезд проходил путь профессора Московского университета, критика и поэта С. Шевырева. Славянофил, проповедник «официальной народности», конечно, подметил только набожность грязовчан, любовь их к Святому Писанию и преданиям о святых. Общее впечатление Шевырева о городе: «...скучен, грязен, плох показался...».⁹ Порадовали путешественника только две встречи — с одаренным самоучкой математиком Михаилом Серебряковым, о котором писали в «Губернских ведомостях», в журнале «Москвитянин» и которого знал академик М. В. Остроградский, а также встреча с неким песенником-извозчиком Иваном.

В первой половине XIX в. в различных изданиях появляются статьи и заметки о местных минеральных источниках, о легендах, с ними связанных. Предания гласили, что один из чудодейственных колодцев вырыт руками преподобного Корнилия Ко-

---

⁷ См.: Брусилов Н. Опыт описания Вологодской губернии. СПб., 1833.

⁸ Описание Вологодской губернии. Сост. и изд. Ив. Пушкаревым. СПб., 1846, с. 32. Постройки такого типа, соответствующие этому описанию, можно и сейчас встретить в деревнях таких отдаленных сельсоветов. Вслед за Пушкаревым эту же особенность позже подметил В. В. Берви.

⁹ Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь. Вакационные дни проф. С. Шевырева в 1847 году. В 2-х ч. М., 1850, с. 102.

мельского.¹⁰ В губернской печати публикуются заметки археографического характера с текстами жалованных грамот — жалованная грамота царя Федора Алексеевича 1677 г. игумену Ефрему о сборе в пользу Корнилиево-Комельского монастыря пошлин с конских торжков в селе Грязлевецах,¹¹ разрешение игумену Кириллу от Иоанна и Петра Алексеевичей торговать в селе и собирать с торгового пошлину в пользу этого монастыря.¹²

Видимо, в то же время были сделаны и первые фольклорные записи в этом районе. Может быть, последующие разыскания дадут новые материалы, но пока самые ранние записи находим в рукописном сборнике песен, составленном П. И. Савваитовым. Кто и как записал песню — сказать трудно: ведь Савваитову помогали и семинаристы, и грамотные жители Великого Устюга, мог услышать ее и сам составитель сборника, когда с М. П. Погодиным, редактором «Москвитянина», ехал из Вологды в Ярославль осенью 1841 г. Безвестный собиратель фольклора тщательно отметил диалектные особенности, запись сделана старательно.

Що-то свитить во всю ноцьку?
Мисець свитить во всю ноцьку.
Що-то гриет всю Егропу?
Сонце гриет всю Егропу.
Що-то растет без коренья?
Камень растет без коренья.
Що-то бежит и без ножек?
Рицька бежит и без ножек.¹³

На рукописи помета о том, что песню поют «в Грязовецком уезде, да только с какими-то припевками и похорно». Также на тракте Вологда—Москва записывает песни от извозчика Семёновской станции С. П. Шевырев (самые модные песни деревни и ямщиков: «С горя ноженьки не ходят» и «Захотелось мне проведать»). Он же записывает предания о Корнилиево-Комельском монастыре.¹⁴

Во второй половине XIX в. наблюдаем некоторый рост интереса к юго-западу Вологодского края. В 1857 г. П. Ф. Бунаков, брат известного педагога Н. Ф. Бунакова, приносит в редакцию губернских ведомостей небольшой очерк «Река Комела и ея обитатели»,¹⁵ из которой читатели узнали об источниках доходов крестьян — охоте, рыболовном промысле, о таком архаичном явлении, как отлов диких голубей — сизых клинтухов. Другой этнограф — О. Н. Фортунатов — исследует своеобразие местного народного костюма, народной косметики, убеждает, что старинное

¹⁰ См., например: Вологодские губернские ведомости, 1842, № 18; Русский инвалид, 1843, № 102; Северная пчела, 1843, № 99.

¹¹ Вологодские губернские ведомости, 1846, № 37.

¹² Там же, 1846, № 38.

¹³ ГПБ, Рукопис. отд., ф. П. Н. Савваитова, Q.XVII.230, л. 14.

¹⁴ Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь... М., 1850.

¹⁵ Вологодские губернские ведомости, 1857, № 5.

довольно-таки быстро заменяет мода. Мы узнаем, что и мужские, и женские рубахи в уезде — синего цвета (объясняется это тем, что в Грязовце в пору расцвета красильного дела полотно окрашивали в основном в синий цвет: наличие какого-то элемента костюма синего цвета — почти безошибочный индикатор принадлежности одежды внутри Вологодского края к его юго-западному ареалу). Кокосники носили низкие, «щпочком». На праздники надевали пестрые передники, штофные малиновые сарафаны, к сарафану и передникам прибавляли «воротушки» из желтой тафты с позументом.¹⁶

Ряд ценнейших материалов по этнографии Вологодского юго-запада хранится в архиве Географического общества СССР — описания свадьбы, игр, раешников, в ГМЭ (архиве Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева) — материалы о свадебном обряде, колядовании, о гостеприимстве крестьян. Думается, необходим детальный анализ этих обширных источников, что выходит за рамки настоящей статьи.

Н. Флеровский (В. В. Берви) тоже оставил след в истории изучения этнографии края. В книге «Положение рабочего класса в России» он пишет об ужасающей бедности юга Вологодчины, о сверхвысокой смертности населения края. Интересна его типология резьбы как украшения избы крестьянина. Его восхищают резьба, пропиловка, просечное железо, полихромная окраска, сверление отверстий... Палитра неграмотного бедного художника-мужика огромна. Для Берви-Флеровского декор жилища — некий символ возможного утопического крестьянского социализма, ибо для крестьянина «любовь к украшению своих изб резьбой обратилась в страсть, страсть эта так сильна, что в ней крестьянин выражает все свои силы».¹⁷

Немало сделал для изучения русского Севера Н. А. Иваницкий — политический ссыльный, исколесивший всю Вологодскую губернию. Он с болью писал о грязовецкой деревне, которая в результате долговременного крепостного права и эксплуатации кулаков пришла в захудалость: печален вид деревни, живут «весьма неряшливо, грязно, как бедные, так и богатые. В избах держат и телят, и овец. Грубы, не словоохотливы, даже дики. В каждом чиновнике видят своего врага».¹⁸

Собиратели неоднократно отмечали, что необыкновенно богат свадебный обряд края, причеты и песни уезда попадают в известный сборник П. В. Шейна «Великоросс», в сборник Ф. Лагов-

---

¹⁶ См.: О старинных русских костюмах в Грязовецком и Сольвычегодском уездах Вологодской губернии. Письмо О. Н. Фортунатова к графу А. С. Уварову. — В кн.: Труды I Археологического съезда в Москве. 1869. I. Изд. под ред. графа А. С. Уварова. М., 1871.

¹⁷ Флеровский Н. (В. В. Берви). Положение рабочего класса в России. М., 1938, с. 168.

¹⁸ Помочь. Вологодский сборник. В пользу пострадавших от неурожая. СПб., 1892, с. 133.

ского. Одним из тех жанров, что жили интенсивной жизнью, были здесь предания разных видов.

Немало изменений в народном быте было зафиксировано наблюдателями на рубеже XIX—XX вв. Причеты все более становятся принадлежностью только памяти, уходят из активного бытования.¹⁹ Все большую популярность завоевывает бойкая, веселая и грустная частушка, однако на Севере она прививается не так быстро, как в Центральной России, протяжная песня из деревни не уходит, оставаясь обязательной принадлежностью и посиделок, и других встреч, праздников. Рекрутов, например, провожали и с песней, и с частушкой, и с причетью — все жанры оформляют этот бытовой момент. Хоровод заменяется «зайчиком», «коленом», кадрилими. Этнографы, краеведы отметили развитие промыслов (угасли традиционные — красильный, кузнечный, но росли отхожие промыслы, все больше становилось в деревнях кружевниц).

В советское время для изучения родины много делают краеведы. Грязовецкая организация, действовавшая в 1924—1930 гг., считала этнографическую работу важной, проводила этнографические вечера, экспедиции, организовала краеведческий музей.

Привлекает внимание Вологодский юго-запад и ученых: сюда приезжали фольклористы из Москвы, нашли немало «песенных» деревень,²⁰ сотрудники Пушкинского Дома из Ленинграда, сотрудники Вологодского музея собрали здесь много предметов старинного быта.

Словом, Вологодский юго-запад своеобразен, изучать его необходимо, он хранит еще много интересного и для этнографа, и для фольклориста, и для искусствоведа.

¹⁹ Однако в памяти крестьян свадебный обряд хранился как целое, традиционное, с локальными своеобразными деталями; похоронный обряд вариантов такого рода не знает.

²⁰ См.: Сказки и песни Вологодской области. Сост. С. И. Минц и Н. И. Савушкина. Вологда, 1955.